

МАКСИМ ГОРЬКИЙ: ОТ НИЦШЕ К МАРКСУ (К вопросу об эволюции горьковского мировоззрения)¹⁸⁸

С.Л. Франк в статье на смерть Горького отметил принадлежность М. Горького «русской духовной истории», что собственно и определило, по мнению философа, «ценность и сущность <...> творчества» писателя¹⁸⁹.

Действительно, Горький обладал удивительным даром улавливать разнообразнейшие идеи своей эпохи. Поэма М. Горького «Человек»¹⁹⁰ была написана в 1904 году. В этом произведении писатель попытался «договорить» те идеи, что были озвучены в пьесе «На дне». Современная писателю критика, конечно же, отметила это, но оценила по-разному. Очевидно, что в начале 1900-х годов писатель переживал значительный мировоззренческий перелом: лозунг «Все в человеке, все для человека» требовал своего социального воплощения.

С философией Ницше А.М. Горький познакомился в 90-е годы XIX века. Большую роль в этом сыграла дружба с Н.З. Васильевым, переводившим в 1890 году на русский язык книгу Ницше «Так говорил Заратустра». Перевод, сделанный Васильевым, писатель пытался опубликовать в январе 1899 года в журнале «Жизнь»¹⁹¹. В одном из писем конца 90-х годов XIX века Горький заявляет о вере в то, что (и далее цитирует ницшевские слова) «человек есть нечто такое, что должно быть превзойдено», добавляя от себя рефреном: «И верю, верю – будет превзойдено»¹⁹².

В основе горьковского представления о сверхчеловеке – антропоцентризм. В 1899 году в письме к Репину писатель утверждал: «Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека. Он – все. <...> Я уверен, что человек способен бесконечно совершенствоваться, и вся его деятельность – вместе с ним тоже будет развиваться <...> Верю в бесконечность жизни, а жизнь понимаю как движение к совершенствованию духа»¹⁹³.

Этой приверженностью идее Человека можно объяснить первоначальное резкое неприятие Горьким марксизма¹⁹⁴. В 1895 году писатель очень категорично

¹⁸⁸ Опубликовано в сборнике «Человек и мир в творчестве М. Горького». Нижний Новгород, 2008. С. 462–467.

¹⁸⁹ Франк С.Л. Максим Горький / Публ. и перевод А.А. Ермичева и В.П. Курапиной // Русская литература, 1997. № 3. С. 141–145. С. 142.

¹⁹⁰ Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. В 25 т. М., 1968–1976. Т. 6.

¹⁹¹ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. В 24 т. Т. 1–10 / ИМЛИ. М., 1997–2003. Т. 1. С. 652.

¹⁹² Там же. С. 273.

¹⁹³ Там же. С. 377.

¹⁹⁴ Возможно, за этим стояла и народническая традиция критики экономического учения Маркса, а также увлечение идеями Л.Н. Толстого, которые не могли не оказать на писателя определенного влияния в его юношеские годы.

и негативно отзываясь о марксистах в письме к Короленко¹⁹⁵, а в 1987 году пишет А.М. Скабичевскому «Марксистам я не сочувствую», а в другом письме этому же адресату уточняет свою позицию: «Я – не марксист и оным не буду вовеки, <...> ибо я знаю, что жизнь творят люди, а экономика только влияет на нее»¹⁹⁶.

Можно сделать вывод, что для Горького любое учение имело ценность постольку, поскольку способствовало развитию человека, росту его самосознания, духовному совершенствованию, творческому преобразению.

В 1897 году в письме к А.Л. Волынскому Горький размышлял: «<...> Я родился идеалистом, а теперь становлюсь скептиком, ибо люди – пошлы и мелки, а жизнь скучна и темна». И далее «Ницше, поскольку я его знаю, нравится мне. А это потому, что, демократ по рождению и чувству, я очень хорошо вижу, как демократизм губит жизнь, и понимаю, что его победа будет победой не Христа, как думают иные, а брюха»¹⁹⁷.

Горький, как и Ницше, отвергал буржуазный демократизм, который, провозгласив свободу, равенство и братство, в сущности своей мог обеспечить их лишь по отношению к «брюху», – т.е. равное право для всех на удовлетворение элементарных человеческих потребностей, и решающей здесь становилась забота о материально-телесном, а следовательно, духовным исканиям не было места в «скучной и темной жизни пошлых и мелких людей» (Горький). Потому люди заслуживают у молодого писателя самых жестких характеристик: «бедны чувством», «не умны – <...> только хитры хитростью вечно голодных зверей»¹⁹⁸, «жалкие», «хмурые», «нудные», «отвратительные», «дрянные мешки с кишками»¹⁹⁹. В этих резких горьковских словах, несомненно, слышен отзвук размышлений Заратустры о несовершенстве людей²⁰⁰.

Горьковский Человек – это всегда бунтарь, для которого нестерпимо несовершенство, будь то природа, человек, общество. Наиболее ярко этот взгляд писатель выразил в образах босяков, героев ранних рассказов. Современная писателю критика сразу же заметила близость взглядов этих персонажей философии Ницше. Например, статья Н.К. Михайловского «О Максиме Горьком и его героях». Сопоставление с Ницше проводили также Волынский, Кропоткин, Львов-Рогачевский, Андреевич, Минский и др.

Герои ранних произведений Горького не являются отверженными, они сами отвергли общество с его лживой мещанской моралью, с его лицемерными

¹⁹⁵ Горький М. Письма. Т. 1. С. 88.

¹⁹⁶ Там же. С. 220.

¹⁹⁷ Там же. С. 245–246.

¹⁹⁸ Там же. С. 164.

¹⁹⁹ Там же. С. 291.

²⁰⁰ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. / Сост., ред. и автор примеч. К.А. Свасьян. М., 1997. Т. 2. С. 8–9.

условностями, где важен не человек как личность, а его социальный статус, определяемый общественным положением и материальным достатком.

Р.В. Иванов-Разумник в своей «Истории русской общественной мысли» писал: «Для Горького «босяк» <...> не идеал, но иллюстрация к антимещанским идеалам жизни. В босяке Горького подкупает его полная свобода, его независимость от узких и душных форм жизни современного культурного человечества»²⁰¹. Отказываясь от всего этого, босяк обретает свободу и независимость; ему нечего терять, он ни к кому и ни к чему не привязан. В этом горьковский босяк сближается с Заратустрой Ницше. Но это же ведет босяка к нигилизму, за которым стоит не ницшевская «переоценка ценностей», а анархия, саморазрушение. Сила протеста босяка не может быть созидательной. Это бунт, а жить бунтом нельзя (Достоевский). Судьбы Григория Орлова, Коновалова служат тому доказательством. Разочарование автора в героях-босяках явно прослеживается в рассказе «Бывшие люди» и в пьесе «На дне».

В одном из писем 1910 года Горький написал: «Вообще русский босяк – явление более страшное, чем мне удалось сказать, страшен человек этот прежде всего и главнейше – невозмутимым отчаянием своим, тем, что сам себя отрицает, извергает из жизни. <...> Есть среди босяков люди, которым тесно в жизни, но они редки. Их – жалко, это как раз те люди, которые могли бы работать и оставить по себе в бедной нашей жизни яркие, добрые следы»²⁰². Таким образом, Горький понимал, что его герой-босяк реализует лишь идею отрицания.

Поиски героя, способного изменить жизнь людей, героя, подобного Данко, но не легендарного, а современника, неизбежно вели Горького к марксизму, который в начале XX века становился явной общественной силой. В мировоззрении марксизма писатель осознал ту силу, которая, делая праведным бунт, вела к новой гармоничной социальной жизни: «Найти гармонию между собой и миром, в себе самом гармонию создать». Так выразил писатель свой идеал в поэме «Человек».

Идеал «сверхчеловека» претерпевает у Горького некоторую эволюцию: в его последующем творчестве станут неотъемлемыми характеристиками всех положительных героев (Павел Власов, Егор Досекин, Марк Васильев, Кутузов) – разумность (в поэме «Человек» это мысль) и деятельность, созидательность.

При этом для Горького наиболее значимыми стали идеи неортодоксального марксиста А.А. Богданова (Малиновского). В своем первом

²⁰¹ *Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Т. 2. СПб., 1907. С. 397.*

²⁰² *Горький М. Письма. Т. 8. С. 212.*

письме к философу писатель сообщал: «В феврале выйдет моя маленькая статейка, в коей я излагаю мое кредо – Она называется «Человек»²⁰³.

Это произведение Горького было своеобразным синтезом марксистских и ницшеанских идей. Например, явные ницшевские аллюзии: «трагически прекрасный человек», который «далеко впереди людей и выше жизни», «творит богов и низвергает их», прокликает «все предрассудки, предубеждения и привычки, опутавшие мозг и жизнь людей, подобно липкой паутине». Он объявляет: «Я их разрушу!». При этом в горьковском тексте прочитывается демократизм и рационализм марксизма: сила Человека в его Мысли, он «из опыта – науки создает» и каждым шагом украшает жизнь, Человек – «непримиримый враг позорной нищеты людских желаний», он хочет «чтобы каждый из людей был Человеком!»

«Это <...> какая-то странная кукла, в «марксистской блузе», из кармана которой торчит Ницше в изложении г. Луначарского»²⁰⁴, – резюмировал Г. Чулков в своей рецензии на первый сборник «Знания».

Любопытно, что в контексте анализа горьковской поэмы в рецензии Чулкова возникает имя Луначарского. Между Горьким и Луначарским переписка возникла только в 1906 году, тесные дружеские отношения установились осенью 1907 года. Однако близость взглядов молодого писателя Горького и молодого критика Луначарского несомненна, в первую очередь, в синтезе ницшевского идеала с позитивизмом марксизма.

При этом подчеркнем, что соединение столь различных философских систем нельзя свести к эклектичности горьковского мировоззрения или «легкомысленности» Луначарского. Дело в том, что само стремление к синтезу идей Ницше и Маркса было присуще общественной мысли начала XX века. Критик В. Гольцев в газете «Курьер» в 1900 году писал: «В последние годы наша молодежь сильно увлекается <...> экономическим материализмом, который при этом нередко переплетается причудливым образом с разновидностями декадентства и очень уж опрошенным ницшеанством»²⁰⁵. В 1906 году в Одессе вышла книга (перевод с немецкого) Макса Фалькенфельда «Маркс и Ницше», в которой автор отмечал возможность частичного проникновения позитивистской теории марксизма поэтической метафизикой Ницше. Главное, что сближает Маркса и Ницше, по мнению автора книги, антибуржуазность и «переоценка прошлого»²⁰⁶.

²⁰³ Горький М. Письма. Т. 4. С. 19.

²⁰⁴ Там же. С. 301.

²⁰⁵ Гольцев В. // Курьер. 1900. № 270, 29 сентября.

²⁰⁶ Фалькенфельд М. Маркс и Ницше. Одесса, 1906.

В 1902 году Новополин в своей книге «В сумерках литературы и искусства» отметил две точки соприкосновения Горького с современными ему настроениями: первая – ницшеанство, т.е. отрицательное отношение писателя «ко всяким узам – в том числе и нравственным, – связывающим волю личности; вторая – нео-марксизм, сказавшийся в негативном отношении Горького к русскому крестьянству и интеллигенции»²⁰⁷. Позднее в книге «Глеб Успенский. Опыт литературной характеристики» Новополин написал «марксист и ницшеанец Горький».

Подобная оценка вызвала очень резкую и чрезвычайно любопытную реакцию Луначарского, который в рецензии на книгу Новополина утверждал: «Горький ничем не заявил, чтобы он был марксистом или ницшеанистом, но между Марксом, Горьким, Ницше есть нечто общее, и то нечто есть знамение нашего времени: борьба угнетенного класса за права свои, за жизнь, достойную человека, протест, наступление, натиск, возникающий из недр самого класса, во имя его требований – вот дух марксизма; провозглашение права на полное самоопределение, гордый вызов обществу и его устоям, подчеркивание прав личности на совершенствование и радость жизни, творчество – вот то, что привлекает нас в Ницше, и ту же требовательность от жизни, тот же протестующий дух видим мы и у Горького, причем он показал нам присутствие чести на самом дне общества, сумел послушать и там гордые песни, подсмотреть не страдание, а трепет, порывающейся к счастью горделивой души человеческой. Нам не интересны страдальцы, нам интересны протестанты <...>» И далее Луначарский продолжает развивать свою мысль: «Как далеко ни разошлись позитивисты и идеалисты молодого поколения, но *честь* индивидуума, его *право* на счастье, но протестующий дух соединяет их и теперь...»²⁰⁸

Заметим, что эти идеи получают дальнейшее развитие в статье Луначарского «Идеалист и позитивист как психологические типы», которая была опубликована в журнале «Правда» в 1904 году. Эту статью Горький порекомендует прочитать Е.П. Пешковой и пообещает выслать журнал со статьей.

Таким образом, задолго до знакомства между писателем Горьким и критиком Луначарским возникает идейное притяжение, полюсами которого становятся Ницше и Маркс. По мнению Ю.В. Синеокой, неортодоксальные марксисты «согласившись с тем, что ницшевский идеал активной, творческой жизни неприложим к буржуазному строю, <...> считали возможным его

²⁰⁷ Новополин Г. В сумерках литературы и искусства. Харьков, 1902. С. 209–210.

²⁰⁸ Луначарский А.Г. Новополин. Глеб Успенский. Опыт литературной характеристики. Изд. Головкиной // Образование. 1903. № 8. С. 86–89. С. 88.

воплощение в будущем социалистическом государстве, где всеобщее равенство станет залогом свободного созидания и творчества всех людей. Позитивное истолкование у русских марксистов поначалу получила и идея сверхчеловека, воспринятого как образец героической личности, сильного лидера, беззаветно служащего народным массам. Важной чертой, объединившей марксизм и ницшеанство, стала концепция “воли к будущему”, обратившаяся в тезис о том, что современная действительность, поколения ныне живущих людей получают оправдание и смысл своего существования лишь как материал и залог появления грядущего племени совершенных людей»²⁰⁹.

Можно сделать вывод, что «ницшеанский» неортодоксальный марксизм и стал для писателя образцом того философского синтеза, к которому он стремился. Для самого Горького важной составляющей его мировоззрения была идея Человека, которая, безусловно, соотносима со «сверхчеловеком» Ф. Ницше, реальную же возможность осуществления своего социального идеала Горький нашел в «собрании человека» А.А. Богданова (Малиновского).

²⁰⁹ *Синеокая Ю.В.* Философия Ницше в России (конец XIX – начало XX веков): Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1996. С. 28.